

A marble sculpture of a woman, likely a religious figure, wearing a crown of thorns. The sculpture is shown from the chest up, with her head slightly turned to the right. The background is a plain, light-colored wall.

Андрей Устинов

Сиделка Ночь

Андрей Устинов

Сиделка Ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29838536

SelfPub; 2018

Аннотация

Почему переводчики лучше чувствуют поэзию? Что важнее – буква или дух стихотворения? Или даже – что-то, так и не высказанное автором, но оставшееся ждать на кончике пера? Эдгар Аллан По, Александр Пушкин, Джон Китс, Николай Гумилев... Прекрасные стихи и прекрасные вопросы, ответы на которые автор ищет вместе с читателем.

Содержание

Распорядок действий.	5
Сон Адама.	9
Никейская тайна.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

С первой строчки этого эссе хотелось бы мне подчеркнуть – его героями являются исключительно стихи. Все вынужденные прозаические отступления – не более, чем разбежавшиеся круги, центр которых есть поэзия.

Распорядок действий.

В юности, на заре перестройки, я ходил в ДК Горького – на занятия ЛИТО. Публика была самая разнородная, от старушки – потомственной петербурженки, до тихого графомана-алкоголика, числившегося кладовщиком где-то на Мельничной. Старушка наша разъяснила раз, что весь тот район Ленфильма и бесконечных складов звался раньше Глухое Озеро, по имени озера, относившегося к загородной усадьбе Потемкина. В начале трагического XX века Городская Дума отвела участок за Невской Заставой под свалку – на этом озерце и закончилось.

В тех рассказах о былом ощущался мрачный символизм. Занятия вел поэт Александр Шевелев – сам из крестьян, он учился в ЛИТМО (механика, оптика, кой черт... – все дороги ведут в Рим!), добился в советское время некоторой известности, но начавшаяся разруха незыблемых печатных институтов, коммерциализация Слова... – художник средневековья легко нашел бы в нем модель стареющего Горацио.

Однажды, говоря о применении пословиц в стихах, он цитировал нам Пастернака:

Гул затих. Я вышел на подмости.

Прислонясь к дверному косяку,

Я ловлю в далеком отголоске,

Что случится на моем веку.

На меня наставлен сумрак ночи

Тысячью биноклей на оси.

Если только можно, Авва Отче,

Чашу эту мимо пронеси.

Но продуман распорядок действий,

И неотвратим конец пути.

Я один, все тонет в фарисействе.

Жизнь прожить – не сцену перейти.

Старушка наша поправила машинально: “не поле перейти”. Но Александр Александрович (светлая память!) повторил тихо: “Жизнь прожить – не сцену перейти”. Был ли он знаком с Борисом Пастернаком лично, не знаю, но именно с ним он и разговаривал тогда...

Этот главный урок поистине пушкинского свободомыслия я и вынес из тех занятий. Стихи поэтов живут в вариантах и разночтениях, их не надо зубрить. С поэтами – надо разговаривать.

Я вспомнил о том уроке много позже, когда работал над романом “Аттракцион Любовь”. Героем моим был англичанин, колледжский профессор, специалист по русской литературе. Как мог бы доказать я читателю настоящность моего профессора? Подумалось – почему нет? Именно иностранец, хотя читающий бегло и без словаря, но избежавший очеканки наших школ, мог бы отнестись к русским стихам с искренним вольнолюбием, с детским восторгом настоящего

почемучки.

Взять ли стихи Георгия Иванова – моего, без преувеличения, кумира. Других я читал с детства, а его зрелые стихи прочел, как и многие, только зрелым человеком, тем ошеломительнее был эффект. Но другое дело – его вирши юношеские. И Мэтт (мой профессор), чуткий к малейшим нюансам языка, вечно настороженно проясняющий для себя разницу в суффиксах и пр., удивленно замер над:

Прекрасная охотница Диана,
Опять вступает на осенний путь,
И тускло светятся края колчана,
Рука и алебастровая грудь.
А воды бездыханны, как пустыня...
Я сяду на скамейку близ Невы,
И в сердце мне печальная богиня
Пошлет стрелу с блестящей тетивы.

Почему “блестящей”? Почему, вопрошал он, Иванов использовал present continuous (настоящее продолженное), а не present perfect continuous (настоящее совершенное продолженное)?

Перевожу на русский: Алебастровая грудь – символ мертвой статуи. Разве у алебастрового лука была тетива? Разве не более по-Ивановски было бы, чтобы та тяжеловатая статуя в Летнем саду лишь на один восхитительный миг (“мне однажды почудилось это”) одухотворилась, перемнулась с ноги на ногу... И как не вспомнить современные теории Пьера

Клоссовски (“Купание Дианы”), по которым Актеон был наказан, на самом деле, за свое живейшее воображение?

Должно было произойти так:

Я сяду на скамейку близ Невы,

И в сердце мне вздохнувшая богиня

Пошлет стрелу с блеснувшей тетивы.

К несчастью или нет, таков именно поэтический распорядок действий. И никогда он не был другим.

Сон Адама.

В Начале – было Слово.

В 1912 году (в 21 год) Осип Мандельштам написал:

Образ твой, мучительный и зыбкий,

Я не мог в тумане осязать.

"Господи!" – Сказал я по ошибке,

Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,

Вылетело из моей груди.

Впереди густой туман клубится,

И пустая клетка позади.

Толкования продолжаютсЯ по сию пору. Сергей Аверинцев ("Судьба и вестЬ Осипа Мандельштама") полагает, что изначально речЬ не о Боге, т.к. слово "твой" дано со строчной буквы. "Вполне возможно, хотя совершенно не важно, что образ – женский". Далее, по Аверинцеву, неверующий (или слабоверующий) герой произносит имя Господа всеу, но Божье имя нежданно оживает и... покидает несчастного. Конец сюжета.

У меня нет цели разрушить это толкование. Быть может – так. Но никогда мне не любилось (простите за высокий слог) сие небрежное забытье – не со стороны Бога, а со стороны Мандельштама. Таинственный "быть может" женский образ не мог быть так совершенно нерыцарски заброшен поэтом!

Мандельштам был молод и влюбчив, очень. Мог ли он, к концу двух строф, позабыть о женском начале стиха? Мог ли он вообще начертать такое “нескладное” стихотворение?

И не то, что мучался сей тайной, что до полубезумия спорил в душе с мандельштамовскими строчками – нет. А все же, как-то глубокой ночью (был влюблен – нет, ошпарен любовью!) стал нервозно припоминать Мандельштама, и... Так и мой Мэтт, почитатель хрестоматий, начал вдруг во сне декламации на русском и тоже “неведомо” ошибся:

Образ твой, мучительный и зыбкий,

Я не мог в тумане осязать.

"Женщина..." – сказал я по ошибке,

Сам того не ведая сказать.

Имя Евы, аки Сириноптица,

Из разверстой вырвалось груди.

Впереди туман плотней клубится,

И пустая клетка позади.

Вот так – в ответ на тоску Адама – Господь создал Женщину.

Или, возвращаясь к оригиналу, Еву создал сам Адам – силою Господнего имени, сокрытой в каждом из нас. И отозвавшейся на его порыв.

Акт творения – вот что описал Мандельштам.

Никейская тайна.

Итак, пора любви...

В 1831 году еще безвестный Эдгар Аллан По опубликовал наконец (в книжке на средства друзей) стихотворение “To Helen”. Оно прекрасно подтверждает мой посыл – настоящие стихи нельзя считать мертвыми. В 1845 году – прошло 14 лет! – По сам подправил пару строчек, и немаловажных (об этом ниже). Вот его последняя версия:

Helen, thy beauty is to me
Like those Nicéan barks of yore,
That gently, o'er a perfumed sea,
The weary, way-worn wanderer bore
To his own native shore.
On desperate seas long wont to roam,
Thy hyacinth hair; thy classic face,
Thy Naiad airs have brought me home
To the glory that was Greece,
And the grandeur that was Rome.
Lo! in yon brilliant window-niche
How statue-like I see thee stand,
The agate lamp within thy hand!
Ah, Psyche, from the regions which
Are Holy Land!

В комментариях часто встречаются фразы “самое гармо-

ничное из стихотворений По” и т.д. Более емко, ярко, доходчиво и т.д. было бы пояснить, что для американца эти стихи – почти то “чуждое мгновенье”. Конечно, Мэтт и я не могли не заинтересоваться русскими переводами. Всерьез (не поминая Бальмонта) можно говорить только о работе Брюсова.

Елена! Красота твоя –
Никейский челн дней отдаленных,
Что мчал меж зыбей благовонных
Бродяг, блужданьем утомленных,
В родимые края!
В морях Скорбей я был томим,
Но гиацинтовые пряди
Над бледным обликом твоим,
Твой голос, свойственный Няде,
Меня вернули к снам родным:
К прекрасной навсегда Элладе
И к твоему величью, Рим!
В окне, что светит в мрак ночной,
Как статуя, ты предо мной
Вздымаешь лампу из агата.
Психея! край твой был когда-то
Обетованною страной!

Оставим в стороне две лишние строки и три подряд рифмы на “ых” в самом начале столь воздушного стихотворения (или так передана морская качка?) – перевод, в целом, достаточно-таки сложен поэтически и довольно точен букваль-

но. Он дает представление... но о чем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.